

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк двадцать третий

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

КАВАЛЕРИСТЫ (продолжение)

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ ГОШТОВТ (1883 – 1953)

Род Гоштовтов, литовский дворянский род, герба Сырокомля, дал России немало славных военных деятелей. Дед Георгия, Адам Карлович Гоштовт, был генерал-лейтенантом. В 1897 он уже находился в отставке и жил в собственном доме в Петербурге по адресу: Измайловский полк, 12 рота, дом № 7. Адам Карлович скончался после 1912.

Иосиф Гоштовт

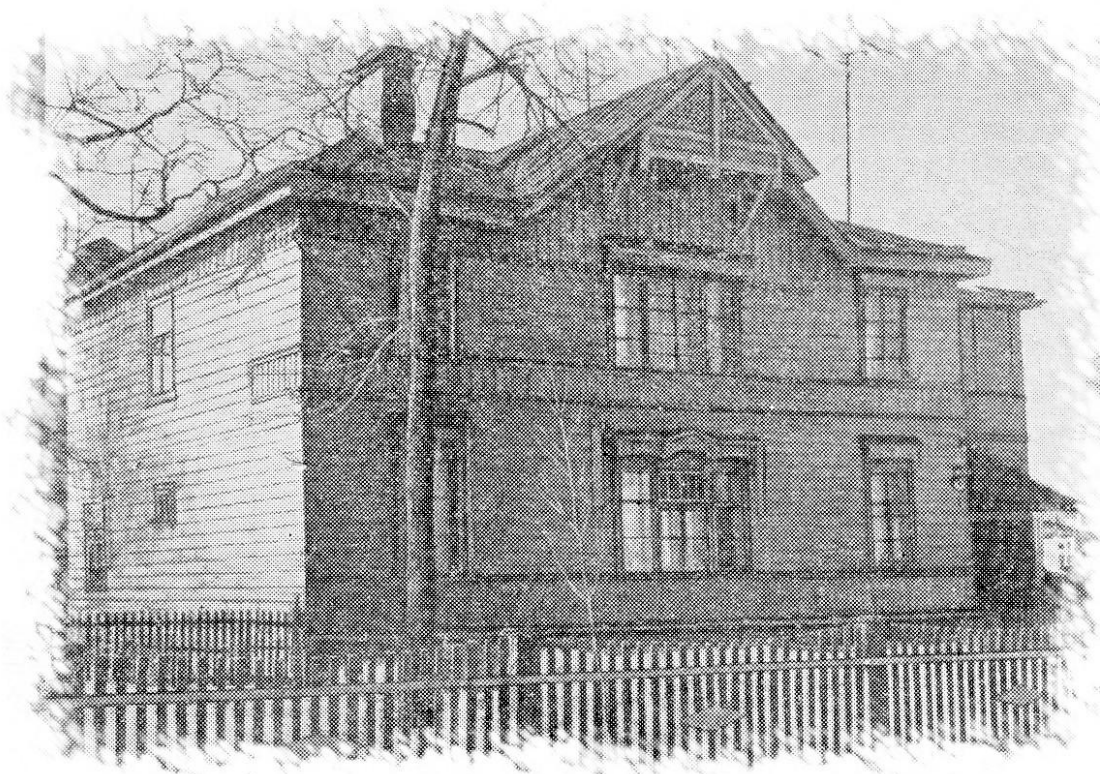
Два его сына тоже стали военными. Иосиф Адамович Гоштовт (1859 – после 1916) окончил Николаевский кадетский корпус и Пажеский корпус. В 1910 году он в чине генерал-майора уже находился в отставке и жил вместе с женой Марией Александровной в доме своего отца. Иосиф был председателем Феофиловского местного комитета Российского Общества Красного Креста и товарищем председателя Всероссийского общества попечения о неимущих и больных педагогах. С началом Великой войны Иосиф возвратился в армию. В 1916 году командовал бригадой 37-й пехотной дивизии. В том же году награждён Георгиевским оружием.

Брат Иосифа, Адам Адамович Гоштовт, отец Георгия, в 1890-х служил в чине штабс-ротмистра в штабе Кронштадтской крепости. Здесь он стал свидетелем вдохновенных проповедей Иоанна Кронштадтского, почувствовал необыкновенную силу этого пастыря. И когда в начале 1900 года Адам Адамович, будучи подполковником 2-го Закаспийского Кавалерийского полка,

стоящего в городе Острогожске, Воронежской губернии, заболел очень серьёзно почками, причём одна из них была вырезана, а советы врачей результатов не давали, он вспомнил о кронштадтском пастыре и обратился к нему письмом. В ответ о. Иоанн написал: «Помолюсь. Блуди себя и молись». После этого подполковник Гоштовт совершенно поправился.

Георгий Адамович Гоштовт родился в Радомском воеводстве Царства Польского. Окончил камер-пажом Пажеский корпус. Произведённый в корнеты Кирасирского полка, прибыл в Гатчину 6 августа 1910 года.

Квартиру он нанял в доме № 26 на углу Соборной и Николаевской улиц. Ныне на этом месте находится павильон бытовой техники.

Дом № 26 на Соборной. Фото 1950-х годов

В 1913 году Георгия назначили начальником полковой команды связи. В 1914 он был уже поручиком. Началась война с Германией и полк вскоре отправился на фронт. Начались тяжёлые бои в Восточной Пруссии. Георгий хорошо проявил себя и в сентябре был удостоен ордена св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость».

Советскую власть Георгий не принял и сразу встал на сторону её противников. Весной и летом 1918 он состоял в монархической организации в Москве.

10 октября 1918 в Пскове прошло совместное русско-германское совещание с целью создания новой армии для Белого движения. С немецкой стороны присутствовали: Генерального штаба майор фон Клейст (будущий фельдмаршал гитлеровской армии), майор фон Тресков (будущий генерал-майор гитлеровской армии, один из участников заговора против Гитлера) и обер-лейтенант фон Гаммерштейн. В числе представителей русской стороны присутствовал однополчанин Георгия, ротмистр Кирасирского Ея Величества полка Владимир Германович фон Розенберг, который и стал инициатором и организатором Северной (Северо-западной) армии в Пскове.

Армия сия формировалась при финансовой и материальной поддержке германского правительства, а затем должна была принять присягу законному

Царю и России. Задачей Армии было освобождение Петербурга от большевистского нашествия и водворение порядка во всей стране.

В Пскове ротмистр Георгий Гоштовт открыл Бюро по приёму добровольцев и уже через неделю записалось 1500 человек, 40 % из которых были офицерами.

В начале 1919, находясь в Польше в качестве начальника военной миссии Северо-западной армии, Георгий, уже ставший полковником, занимался вербовкой добровольцев. В декабре 1919 армия была ликвидирована и Георгий Гоштовт перебрался во Францию.

Боевые действия во время Германской войны и участие в формировании Белых войск позволили Гоштовту неплохо ориентироваться в хитросплетениях событий того времени. Нет ничего удивительного в том, что Георгий вскоре принялся за военно-литературную деятельность. Он составил трёхтомный труд «Кирасиры Ея Величества в Великую войну». Его перу принадлежал «Дневник кавалерийского офицера». В выходящем за рубежом журнале «Часовой» постоянно публиковались его статьи. В 1940-х Гоштовт был секретарём Историко-генеалогического общества.

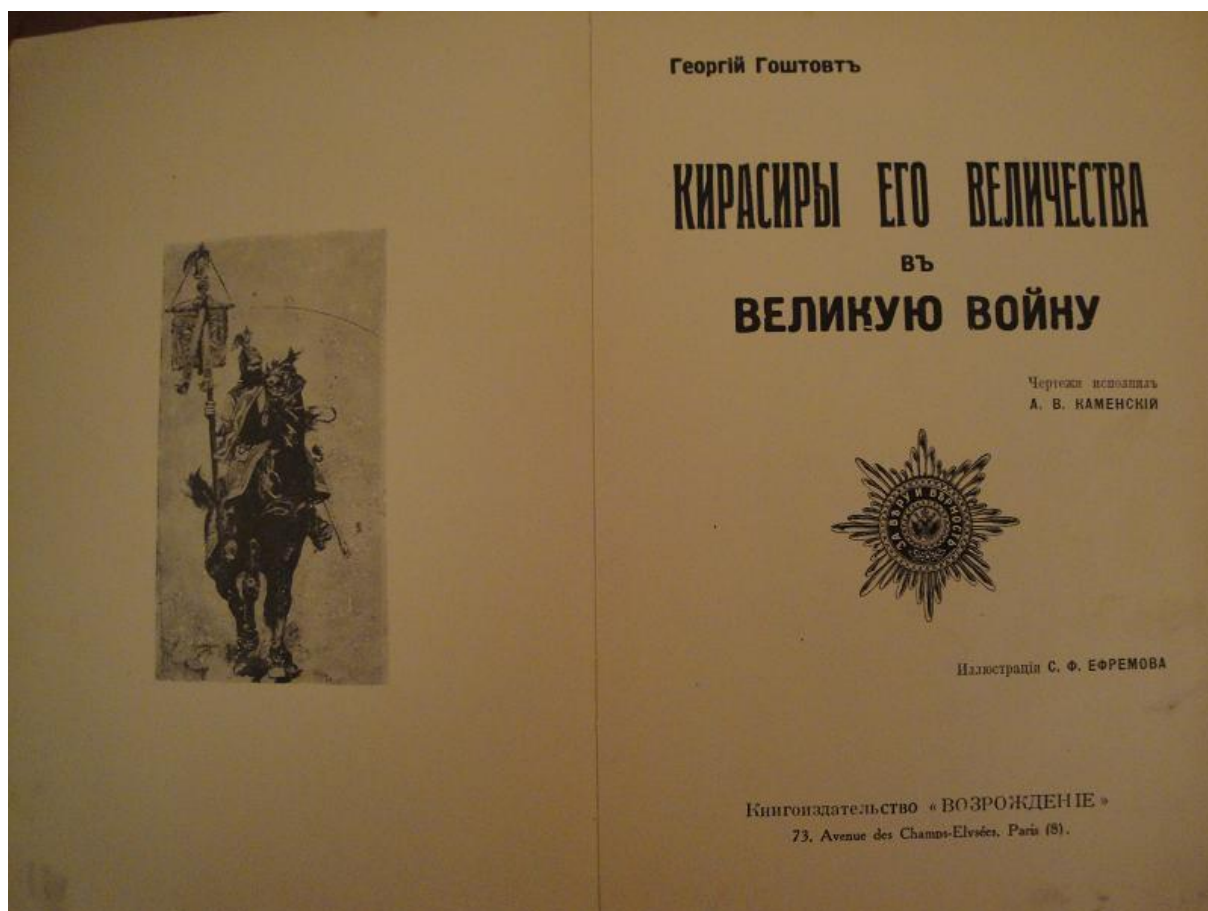
Занимался Георгий Гоштовт и организационной деятельностью, будучи секретарём Распорядительного комитета Гвардейского объединения, членом Объединения Кирасирского Ея Величества полка, членом организации «Русское национальное движение». О роли Георгия Гоштовта в деятельности одной из таких организаций рассказал участник тех событий В.А. Каменский:

«Перед войной 1939–1945 в Париже при Гвардейском Объединении, которое возглавлял в то время генерал Гулевич, была учреждена особая Военно-Историческая комиссия, вложившая много ценного материала в историю гвардейской пехоты в войну 1914 – 1917 г. г. Комиссия эта, которой руководил л. гв. Кирасирского Её Величества полка полковник Георгий Адамович Гоштовт, собиралась сначала в небольшом кафе около Пале-Руаяль, а затем в помещении на рю де л'Юниверсите. Собирались мы по дивизиям, в пятницу вечером, таким образом, каждая комиссия собиралась каждую третью пятницу.

Г.А. Гоштовт отлично и живо вёл все заседания, мы, члены комиссии, приходили на собрания со всеми имевшимися в нашем распоряжении картами, дневниками и прочими материалами, а Гоштовт готовил на каждое собрание описание того или иного боя или перехода, пользуясь исключительно германскими источниками. Для этой цели ему приходилось списываться не только с уцелевшими после войны учреждениями германского Генерального штаба, но и с отдельными Объединениями германских частей, находившихся во время войны против нашей гвардейской пехоты. Таким образом, день за днём, с самого начала войны, сопоставляя данные, как с нашей стороны, так и со стороны противника, мы составляли краткий дневник с перечнем, что делала та или другая часть и что делал в это же время противник. Приложенные к журналам схемы боев и переходов очень помогут будущему историку разобраться во всех действиях того или другого полка и как бы по готовой канве составить историю своей части. К сожалению, начавшаяся в 1939 война прервала наши собрания,

но всё же мы успели довести нашу работу до 31 декабря 1914 года, и таким образом вся Ковельская и Тарнопольская операции остались неразработанными... После второй войны Г.А. Гоштовт тяжело заболел и вскоре скончался. Думается, что у некоторых чинов гвардии сохранились эти ценные журналы, которые издавались по годам и по дивизиям».

Благодаря «Дневнику кавалерийского офицера» Г.А. Гоштовта, мы можем теперь узнать какие события происходили в Кирасирском полку и Гатчине в дни ухода полка на фронт Великой войны:

18 июля 1914 года.

«С двенадцатым ударом, что отбили часы сегодня в полночь, - началась мобилизация. Для нас она не была неожиданностью; события последних дней, всё нараставшие, естественно приводили к необходимости быть готовыми к войне.

Третьего дня уже знали о мобилизации пяти военных округов; вчерашней ночью была у нас ложная тревога. И потому весь день 17 июля в полку шла хлопотливая, по собственной инициативе начатая, подготовка к мобилизации, - пересчитывались и складывались кирасы, палаши и шашки, проверялось содержимое цейхгаузов, выбрасывался всякий ненужный хлам... Вахмистры, каптенармусы и эскадронные писаря, между хлопотами, по много раз собирались на совещания, напрягая память, как бы не упустить чего-нибудь, что ещё надо сделать. Офицеры делили своё время между казармами, конюшнями и собранием, куда забежали узнать о новостях и поделиться ими со своими товарищами.

Около 10 часов вечера адъютант, к общему восторгу, сообщил, что наконец окончательно объявлена мобилизация, и что началом её следует считать 12 часов наступающей ночи.

В половине двенадцатого все офицеры собрались в полковой канцелярии, по приказанию командира полка. Настроение заметно приподнятое, разговоры ведутся в пол голоса, ходить стараются потише. Иногда врываются неожиданные резкие телефонные звонки и вселяют тревогу – неужели отмена? После одного из них адъютант докладывает командиру, что штаб дивизии подтверждает приказ о мобилизации; это сразу успокаивает и подымает вместе общее настроение. Заметно, как глаза у всех вскидываются поминутно на часы, с нетерпением ожидая полночи.

С последним двенадцатым ударом заведующий мобилизационной частью, вскрыв печать, открывает мобилизационный ящик. Тишина полная, все присутствуют, как бы при священнодействии.

Вслед за некоторыми товарищами по полку и я получаю именной синий пакет за пятью печатями. Содержимое пакета я прекрасно знаю, - предписание отправиться в Царское Село, куда я назначен военным членом комиссии по приёмке лошадей, и инструкция. В прошлом году у нас была произведена пробная мобилизация; производивший её генерал Эрдели строго меня проэкзаменовал в знании моих обязанностей.

Кладу пакеты в карман и выхожу на улицу. Ночь ясная, тёплая, безоблачная; лёгкий ветерок доносит запах цветущих лип из дворцового парка. Иду в собрание, вскрываю пакет и прочитываю содержимое.

Боясь потерять минуты, приобретшие с этого момента громадную ценность, еду на свою квартиру. Полк уже начал жить той механической жизнью, когда все 36 часов, данных на приведение полка в мобилизационную готовность, рассчитаны по минутам с точным распределением, когда, где и какую работу должен нести каждый чин полка, от командира до рядового кирасира, включительно.

Везёт меня Павел, полковой извозчик. Быть «полковыми» извозчиками – привилегия жителей Пижмы и привилегия эта сохраняется за ними уже в третьем или четвёртом поколении. Вытекают из неё исключительное право стоянки в расположении полка и преимущество, во всех местах и случаях, возить наших офицеров с вокзалов и в городе. Знание ими повседневной полковой жизни, расписаний занятий, кто из офицеров уехал в Петербург, а кто остался вечером в Гатчине – изумительные.

Родная их деревенька Пижма разбросана пятнадцатью ладно скроенными бревенчатыми избами по опушке болотистого, низкорослого, берёза с сосной, леса, в 7 верстах от Гатчины. Дворы с огородами тянутся по одну сторону дороги, а по другую – луга и пастбища; земля плоха, хлеб родит слабо и потому пижменцы издавна занимаются извозным промыслом. Раз в год, в праздник их прихода, деревня устраивает пиршество. Староста Аверьян, накануне, с низкими поклонами, приглашает господ офицеров навестить их в этот день. И много радости и гордости доставлял им тот, кто заезжал поздравить и выпить поднесённую чарочку за процветание их деревни.

По дороге домой заезжаю на вокзал, чтобы справиться, как мне добраться рано утром в Царское, но увы, с объявлением о мобилизации, все поезда на Петербург приостановлены и способа попасть туда по железной дороге нет никакого. Прошу Павла отвезти меня в своей пролетке; ведь до Царского лишь 18 верст по шоссе. «С охотой, да я сам запасной, значит, должен явиться, да ещё одну лошадь отвести».

После такого неутешительного ответа, Павел добавляет, что он запасной унтер Семёновского полка, что любит свой полк и боится, как бы не получить назначение в какой-либо чужой. Он замолкает, занятый своими мыслями, и не

замечает, что его конь плетётся шагом. Потом неожиданно бьёт себя ладонью по лбу, подстёгивает кнутом лошадь и вслух решает, минуя воинского начальника, ехать прямо в казармы родного Семёновского, чтобы просить о своём зачислении в полк.

Подъезжаю к квартире в большом трансе – как же я доберусь к утру в Царское, но здесь выручает догадливость того же Павла. Он вспоминает, что в Гатчине есть наёмные автомобили и предлагает меня отвезти к их собственнику. После долгих звонков, стуков и переговоров, уговариваю того доставить меня утром на автомобиле в Царское и уславливаюсь прийти для этого к 5 часам утра.

Непробудным сном спит, прикрывшись ставнями, тихая, мирная Гатчина – город семейственной, средней интеллигенции. Сквозь щели некоторых ставен мерцает чуть заметный свет от огоньков лампадок. Тишину и покой нарушают лишь перекликающиеся петухи, да шелест листьев от набегающего предрассветного ветерка.

У меня в передней, в присутствии Павла, отдаю распоряжения моему денщику Панюте – сложить вещи и мебель и перевезти в собрание; отложить по списку, мною составленному, то, что надо взять в поход; получить в полку выюк и заводную лошадь; разложить вещи самые необходимые и походную кровать во выюк, а остальные в чемодан, сдав его затем в обоз II разряда.

Павел обещает с утра прислать своего младшего брата с телегой на помощь Панюте, затем трогательно со мною прощается, крестится и уходит.

Проспав около двух часов, окатываюсь холодной водой, выпиваю приготовленный Панютой кофе, одеваюсь и бреду на Соборную к автомобилисту, носящему неблагозвучную фамилию Шпионова (Дом Шпионова находился на Бомбардирской улице, 3. Въезд во двор дома находился совсем рядом с Соборной улицей. Сейчас на этом месте – каменный жилой дом. Купец Василий Петрович Шпионов держал в доме трактир и постоянный двор. Об этом написано в моей книге «Бомбардирская улица» - В. К.). В его доме все проспало. Снова звонки и стуки. Я сажусь на скамейку подле собора и жду. Солнце взошло багровым шаром. Роса настолько обильна, что сапоги от неё мокры. Кругом неистовствуют воробьи. День обещает быть чудесным.

Через полчаса качу на довольно расхлябанном автомобиле по Царскосельскому шоссе. Непрерывно гудим, т. к., несмотря на ранний час, движение подвод и пешеходов, одних или с лошадьми в поводу, большое, - очевидно, поднятое мобилизацией. Солнышко начинает уже заметно припекать.

Мысли у меня беспорядочно толкутся, в этот короткий срок надо ещё многое сделать, о многом написать.

Подъезжаем к Царскому. Шпионов просит его не задерживать, - я с ним расплачиваюсь и пешком иду разыскивать Воинского начальника. Нахожу его в большом манеже, являюсь. Полковник даёт мне провожатого, чтобы указать место, где работает комиссия, в состав которой я назначен. Большие окна манежа пропускают целые потоки солнечного света. У стены на опрокинутых ящиках примостились писаря и, обмакивая кисти в чернила, надписывают на картонках – «гвардия», «артиллерия», «сапёры»... Надписанные картонки привязывают к шестам. Видимо готовят их для рассортировки запасных по родам войск. У соседней стены стоит составленный ряд столов и на них бесконечные кипы папок, в которых роются и которые затем распределяют в известном порядке остальные писаря, во главе с военным чиновником. Здесь же находится команда молодцеватых гвардейских стрелков, присланная видимо в помощь воинскому начальнику.

Перед манежем целое море голов, большей частью рыжих или русских; все запасные Царскосельского уезда. Много среди них и провожающих баб. У мужиков весёлые возбуждённые лица, ни у одной из баб я не заметил

слезинки. Подмечаю две любопытные подробности. Несмотря на их ещё мужицкий облик, при виде меня, офицера, все вскакивают, некоторые прикладывают руку к картузу. Вторая подробность та, что запасные чухонцы с бабами говорят на своём диалекте, между же собой исключительно хотя и на ломаном, но русском языке.

Мобилизация в Петербурге

На Софийском плацу собирают лошадей; здесь и будет происходить их приёмка. Знакомлюсь с членами комиссии; их четверо – член земской управы, два царскосельских обывателя и ветеринарный врач со скотобойни. Кроме них, к комиссии прикомандированы два чиновника, - один, как делопроизводитель, а другой, как кассир, и один полицейский чин для наведения порядка. Часа два ушло на подготовительную канцелярскую работу и на расстановку в порядок лошадей; последнему очень мешали жеребцы, приведённые в большом количестве. Постепенно стали подходить и приёмщики с командами от воинских частей.

Приёмка началась. Состояла она в следующем: по волостям, по подготовленным уже в мирное время ведомостям, вызывали по очереди владельцев с их лошадьми. Комиссия их осматривала и решала: 1) годна ли лошадь к службе по состоянию здоровья и 2) если да, то к какому классу её отнести – упряжных ли артиллерийских, обозных ли и какого разряда обозных, кавалерийских ли и многих других. Соответственно классу и разряду, была нормирована за неё плата и владелец здесь же получал от кассира соответствующую сумму, а я назначал лошадь в воинскую часть, приёмщики от которой немедленно её забирали. Компаньоны мои по комиссии оказались полными профанами, ветеринарный же врач необычайно тучный, с одной ногой короче другой, страдал от жары и почти не выходил из тени, куда он пристроился со своим стулом.

На перерыв мы пожертвовали полчаса. Всё же остальное время до 8 часов вечера бесконечной чередой проходили лошади и неослабно напряжено было моё внимание.

Около половины девятого, освободившись от работы, я уехал по Царскосельской дороге в Петербург. На вокзале я пообедал; подававший мне пожилой лакей осведомился, когда я должен идти на войну. Узнав, что после завтра, он с такой искренностью произнёс «храни вас Господь», что меня совершенно этим растрогал. До этой минуты я жил как бы в буднях мобилизации – в напряжённых трудах и заботах, не дававших возможности ни на один миг отвлечься мыслям в сторону. При выходе же с вокзала на улицу я впервые был совершенно захвачен патриотическим подъёмом манифестирующего народа. От Проходных казарм, в строю, в пиджаках и картузах, но стараясь отбивать чётко ногу, шли запасные и вместе с огромной толпой, их окружавшей, пели гимн. Пропустив их, я стал искать извозчика; они были в этот вечер на расхват. Справа от меня стояло также несколько человек, звавших возницу. Наконец один появился. Ожидавшие его, и видимо долго, вдруг стали меня просить, чтобы я, как офицер, и потому имеющий в эти дни преимущество, взял его и ехал бы куда мне нужно. Какое милое, предупредительное отношение!

Теперь разгар лета и из моих родных в Петербурге никого нет, все в деревне. Я решил переночевать в квартире моего деда, где всегда были две комнаты в моём распоряжении. Горничная Наталья, прослужившая у нас около двадцати лет и сторожившая теперь квартиру, приготовила мне постель, напоила чаем и обещала разбудить в половине пятого утра.

Впечатлений за день много, мысли не дают покоя, но я, решив заснуть, как можно скорее, гоню их прочь, и с радостью чувствую, как начинает одолевать меня дрема.

19 июля

Разбудив меня ровно в половине пятого, заботливая Наталья объявляет, что приготовила мне ванну и для того, чтобы я скорее очухался от сна, разом раскрывает гардины. Солнечный свет ослепляет. Я вскакиваю, бегу в ванную, быстро окунаюсь, затем проглатываю кофе и завтрак и в начале шестого, выспавшийся и свежий, готов с новым запасом энергии начинать трудовой день...

Прощавшись и поблагодарив Наталью, схожу вниз. Здесь меня поджидают швейцар Карл Иванович и старший дворник Нил, чтобы попрощаться и пожелать мне всего доброго. У подъезда ждёт, предусмотрительно ими приведённый, извозчик.

Петербург, несмотря на ранний час, взбудоражен и живёт уже полной жизнью. Далее – Царскосельский вокзал, поезд. Извозчик, везущий меня на Софийский плац, и снова точное повторение вчерашнего дня в полных подробностях... На плац заходили в разное время лейб-гусары Павлов и Святополк-Мирский и звали меня завтракать к ним в собрание, но пришлось отказаться – слишком дорога каждая минута.

Днём шла приёмка лошадей от жителей города Царского Села. Среди них проводили серого коня, верхового типа с примесью арабских кровей. Рядом с ним шла миловидная барышня лет 17, видимо очень взволнованная. Когда коня осматривали, она старалась нас убедить, что он слаб, нежен и не сможет перенести тягостей войны. Услышав слово «годен», она залилась слезами, прижалась к лошадиной морде и целовала её, не отрываясь, прямо в ноздри. Затем подбежала ко мне и стала умолять, чтобы я коня взял в свою часть, т. к. она только в этом случае почему-то была бы за него спокойна. По статьям конь

нам подходил и я охотно исполнил её просьбу, передав его приёмщикам нашего полка.

Сегодня работу кончили мы позднее и только сев в поезд около 10 часов вечера на ст. Александровской, куда я проехал из Царского на извозчике, я попал к себе в Гатчину...

Спал я отвратительно. Тяжело мне далась рыба, принесённая на в Царском на завтрак. Целую ночь в бреду проходили и давили лошади серые, гнедые, буланные...

20 июля

Проснувшись рано, сейчас же протелефонировал в эскадрон, чтобы получить подтверждение всему доложенному мне вчера Панютой. Узнал, что погрузка назначена на военной платформе в 5 ч. дня. Выступление эскадрона в 4...

Только я успел одеться, как ко мне приехал Христиани, с которым я семь лет воспитывался в одном классе в Корпусе и вышел вместе с ним в полк (О Христиани можно прочесть на моей Страничке в интернете в пятом очерке из серии «Гатчина и гатчинцы в Великой войне 1914 – 1918 годов». Корнет Г.Г. Христиани жил в доме Варфоломеева на Соборной улице, 14 - В. К.). Последний год провёл он в Петербурге в Академии и теперь по мобилизации вернулся снова в ряды полка. Своего денщика Мокиенко он послал с вещами в эскадрон, а сам заехал прямо ко мне.

Я надел амуницию и вышел из дому, чтобы больше уже не возвращаться.

Сперва мы вместе с Христиани направились в полк. Дорога туда изучена за четыре года до мельчайших подробностей. Сначала едем тихими, уютными улицами, обсаженными берёзами; вдоль улиц, в глубине, за палисадниками, скромные деревянные дачи. Затем дорогой между двумя стенами зелени – дворцовым парком и городским, называемым «Приорат». Налево на холме весь в зелени, выкрашенный в серо-синий цвет, большой дом, где на флагштоке висит флаг, имеющий форму и цвета нашего полкового флюгера. В этом доме со времён Императора Павла живут наши полковые командиры. Опускаемся вниз на мост через проток между озёрами. Налево, словно в зеркало, смотрится в уснувшие светлые воды игрушечный приоратский дворец, в котором жил во времена Павла, единственный женатый мальтийский рыцарь, граф Литта. Затем круто поднимаемся вверх и поворачиваем направо по улице, по которой справа стоит Гатчинский дворец, а слева, против него, расположен наш полк.

Слезаем у канцелярии, получаем в ней, что причитается, и идём в свой № 4 эскадрон, где мы числимся младшими офицерами. Наш полк четырёх-эскадронного состава. Два эскадрона уже ушли на погрузку. Кирасиры двух ещё не тронувшихся отдыхают после непрестанной горячей работы за время мобилизации. Сразу бросается в глаза щегольской вид людей, - им выдали всё новое, первосрочное. Непривычно видеть на них фуражки с козырьками и защитного цвета; наша дивизия носит и летом и зимой фуражки с белыми верхами.

В казармах – вид запустения, - всё, что в них было – сложено и снесено в полковые цейхгаузы и сараи. Заходим в собрание; оно уже приняло нежилой вид; всюду на мебели чехлы; столы и стулья сложены, жалюзи опущены. Заходим в зал. Высоко на стенах красуются славные имена Лесной, Полтавы, Аустерлица, Бородина и других мест боёв, в которых наш полк принимал участие за свою верную двухвековую службу Российским Императорам, - тех боёв, в которых ковалась мощь и величие Российской Империи. Я показываю на них Христиани, говорю – «названиями каких мест придётся вновь украшать

эти стены» - и ощущаю снова то же, что и вчера утром, чувство щемящего восторга.

Решаем с Христиани сначала поехать купить защитные фуражки, а затем сделать прощальные визиты полковым дамам. В отделении Гвардейского Экономического Общества (Соборная, 17 – В. К.) достаём готовые фуражки, а свои оставляем с просьбой сохранить, т. к. девать их нам уже некуда.

Балицкие (поручик Сергей Григорьевич Балицкий и его жена Глафира Ипполитовна – В. К.) оставляют нас у себя обедать и мы сидим у них до половины четвёртого. Серёга Балицкий, наш однопольчанин, заведует дивизионной конно-сапёрной командой и грузится с ней только завтра вечером.

В последний раз против своих конюшен строится мой родной эскадрон, в котором я подробно знаю каждого кирасира и каждую лошадь. Четыре года тому назад я вышел в полк и сразу был назначен в № 4-й. Первые два года я обучал новобранцев, год был в учебной команде, и последний год заведывал разведчиками.

Как всегда, подъехали, по очереди старшинства, офицеры, здороваясь с людьми и затем командуя «смирно» следующему по старшинству офицеру. Подъехав к эскадрону, я невольно залюбовался им, - один к одному, щегольски одетые, с прекрасно пригнанной амуницией, отлично выравненные четыре полных шестнадцатирядных взвода.

В гвардии каждый полк имеет свой тип и сам корпусный командир лично разбивает людей по частям, руководствуясь типом полка, то есть внешностью и ростом. В наш полк поступают люди 2-х аршин 8 и 9 вершков (приблизительно 180 см – В. К.), смуглые, тёмного цвета волос, длинноногие и хорошо сложенные. Оттого и такая подобранность один к одному наших молодцов. Лошадьми полк комплектуется рыжей масти от 2 аршин 5 вершков и выше.

Раздалась команда «шашки вон, пики в руку». Эскадрон отчётливо, как один, вынул шашки, блеснув клинками на солнце, и двинул вперёд пиками, встречая своего командира. Вложив, по команде, шашки в ножны, эскадрон замер смирно. Командир сказал несколько слов о том, что пришло время на деле доказать свою верность присяге и не посрамить двухвековую славу

нашего родного полка; затем снял фуражку и перекрестился. Все чины эскадрона, и офицеры, и кирасиры, истово и медленно осенили себя крестным знаменем...

Справа по три наш эскадрон идёт по улицам Гатчины, направляясь к военной платформе. Толпа, нас провожающая, достигает уже нескольких сот. День ясный, безветренный; солнце щедро льёт на нас свои лучи. Из открытых окон бросают цветы. Старушки крестят нас широким крестом; на глазах у них слёзы...

Железнодорожные служащие обходят вагоны и раздают свечи и вёдра.

В 7 часов вечера трубач играет сигнал «садись» и через пять минут наш поезд переходит на пассажирскую станцию Гатчина. Платформы. Залы, двор – всё залито народом. Кричат ура, машут шляпами, платками, бросают в вагоны цветы, пачки папирос, плитки шоколада. На платформе реалисты с портретом Государя, осенённым двумя национальными флагами. Публика всё время пытается петь гимн и Спаси Господи, но в разных концах мешают друг другу и получается разброд. Замечаю против меня компанию, старающуюся вытащить на середину платформы стол из-под лотка с фруктами; это им удаётся. На стол взбирается высокий бритый гражданин, собирает поближе свою компанию, взмахивает руками и громким, покрывающим остальных, голосом запекает «Боже, Царя Храни». Его компаньоны, видимо, все обладающие слухом и голосом, дружно его поддерживают; за ними публика на платформе, дальше в здании вокзала, ещё дальше на дворе. Молитвенные звуки ширятся, растут, слышно, как подхватывает их толпа на прилегающих улицах. Вдохновенно поёт случайный и вместе мощный хор из нескольких тысяч людей. Гатчина провожает нас величественным, несравненным, нашим национальным гимном...

Поезд отходит...

Старенький, сгорбленный, седенький священник, со слезящимися по старчески глазами, снимает наперсный крест и благословляет каждый вагон медленно, медленно отходящего нашего эшелона. Прощай Гатчина...

Офицерам предоставлен вагон II класса. Нас шестеро. Командир эскадрона Соколов и младшие офицеры: Апрелев, Христиани, я, Марков и Погоржанский. Апрелев только что окончил первую военную академию (без дополнительного курса), Христиани также прибыл из Академии, Марков переведен из 2-го эскадрона, Погоржанский только что вышел в офицеры; так что в эскадроне я единственный старый коренной офицер...

Мы все сидим в одном купе и беседуем при свете, всё время мигающей в фонаре свечи и под мерный стук колёс. Делимся впечатлениями от проводов, что устроила нам Гатчина, стараемся догадаться, где будем высаживаться и сколько времени проведём в пути, вспоминаем сведения о германской кавалерии. Молчавший до сих пор Апрелев говорит – «господа, ведь смотрят это пустяки, а вот теперь пришло действительно время держать экзамен нашей работе, нашей подготовке». Христиани добавляет: «да и такой экзамен, выдержать который или не выдержать – вопрос чести. Уж очень велики последствия от результатов таких экзаменов». Беседа смолкла, все задумались на только что затронутую тему.

Поезд замедляет ход, мелькают в окнах редкие фонари, потом всё чаще, мы подходим к ст. Сиверская. Народу масса, повсюду флаги.

Встречают нас пением гимна и Спаси Господи. Студенты вбегают в вагон, насильно нас хватают и вытаскивают на платформу. Старик с большой львиной головой, с национальным флагом в руке, очень складно и с подъёмом говорит. Здесь вмешивается начальник станции, заявляет, что пора эшелону отходить; мы влезаем в вагон, с руками, полными цветов, что нам вручили милые дачницы. Поезд медленно отходит; в открытые окна слышны постепенно замирающие звуки гимна и молитвы.

После Сиверской пьём чай с бутербродами и, кроме дежурного по эшелону, заваливаемся все спать на, приготовленные денщиками на диванах, свежие постели.

До Луги поезд нигде не останавливался; порой мелькали в окнах огни станций и одновременно, на короткий миг слышалось пение и крики ура. В Луге, где мы стояли четверть часа, также происходили манифестации. Но о них я только слышал от других; сам же, утомлённый предыдущими днями, усыплённый мерной качкой вагона, проспал как убитый до следующего утра».

На парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа до наших дней заботливо сохраняются надгробия над могилами верных сынов России, вынужденных провести свои последние годы на чужбине. Здесь нашли вечное упокоение гатчинцы – офицеры Кирасирского полка: полковник Гоштовт Георгий Адамович (15 сентября 1883—8 декабря 1953), полковник Прежбяно Андрей Константинович (1885—1963), полковник Третьяков Борис Николаевич (1891—1970), ротмистр Аррокет Алексей Андреевич (4 февраля 1894—11 мая 1952), ротмистр Дерюжинский Сергей Александрович (4 мая 1891— 9 мая 1970), Апрелев Георгий Петрович (1 марта 1889—10 января 1964).

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ